

ЧАСТНАЯ ГАЗЕТА РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ: ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ

© 2006 Л.Е. Кройчик

Воронежский государственный университет

Начну со случайного исторического совпадения.

В 1918 году в Красноярске вышла в свет книга «Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину». Николай Михайлович Ядринцев — публицист, редактор и издатель газеты «Восточное обозрение», выходявшей сначала в Петербурге (1882—1887), а затем вынужденно перебравшейся в Иркутск (1888—1906). Григорий Николаевич Потанин — путешественник, этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии, сотрудничал с газетой «Восточное обозрение».

И тот, и другой ратовали за развитие местной прессы. Неудивительно, что одно из писем, опубликованных в книге, было посвящено концептуальным проблемам существования местной печати.

28 января того же 1918 года был опубликован Декрет Совета Народных комиссаров «О революционном трибунале печати», в соответствии с которым специально созданной «тройке» (такое ощущение, что В. И. Ленин глядел далеко вперед) давалось право карать «преступления и поступки против народа, совершаемые путем использования печати» [1, 14].

Поскольку формулировка Декрета выглядела расплывчато, она оказалась весьма удобной для применения репрессий против любого неугодного властям публичного выступления. В результате только в январе-августе 1918 года в России было закрыто 460 изданий. В том числе — и местных.

В своем письме, датированном 4 апреля 1883 года, Николай Михайлович Ядринцев размышляет о том, какой должна быть провинциальная частная газета. 28 января 1918 года председатель Совнаркома своим декретом по существу утверждает, что провинциальной частной газете вообще незачем быть.

Уроженец провинциального Симбирска, студент Казанского университета, присяжный поверенный в Самаре, В. И. Ленин не мог не по-

читывать провинциальную прессу. И потому не мог не обратить внимания на то, что при всех своих недостатках — невысоком полиграфическом качестве изданий, опасности цензурных ограничений, отсутствии высококлассных публицистов, относительной узости тематики выступлений — частная провинциальная газета была все-таки островком гласности в бушующем океане административного произвола.

Слово «гласность» мелькает в большинстве программных заявлений вновь возникающих провинциальных газет. Справедливости ради следует отметить, что это слово фигурирует и в объявлениях о выходе официальных «Губернских ведомостей», которые должны были быть учреждены местными властями во всех губерниях Российской империи. Частной газете в регионах предшествовала газета официальная.

Подводя итоги этих трех лет существования издания «Иркутских губернских ведомостей» (газета эта возникла в 1857 году, а частная газета «Амур» — лишь через три года) М. В. Буташевич-Петрашевский писал: «Вот уже третий год, как Иркутск... владеет органом, если не полной и совершенной гласности, то точно можно сказать — органом для публичного оглашения всего того, что можно или должно по преимуществу интересоваться местных жителей» [2, 55].

Гласность эта была ограниченной, но она — была. Несмотря на жесткий контроль местных властей, несмотря на цензуру (следует отметить, что цензурных комитетов в провинции практически не было: был представитель власти, который «курировал» газету, но тем не менее цензурный «пригляд» за прессой осуществлялся) и другие внешние обстоятельства, мешавшие развитию местной прессы.

«Я бы скорее повесился, чем стал провинциальным редактором» [3, 342], — горько замечает Ядринцев. И объясняет почему.

Тут необходима небольшая историческая справка. Частная газета в России ведет свое на-

чало с петербургской “Северной пчелы”, возникшей в 1825 году. Правда, у “Северной пчелы” были предшественники — журналы: “Уединенный пошехонец”, выходивший в Ярославле в 1786 году, и “Иртыш, превращающийся в Иппокрену”, издававшийся в Тобольске с 1789 по 1791 год.

Но эти прорывы никоим образом нельзя полагать предвестниками создания системы частной прессы. Все распоряжения власти сводились к осмотрительной поддержке инициатив на местах для развития частной местной прессы. Только после смерти Николая II-го было отменено распоряжение, запрещавшее выдавать разрешения на издание частной периодики. Но “Временные правила о цензуре и печати” от 6 апреля 1865 года, давшие определенные послабления издателям столичных газет, подвигли инициативных людей в провинции на создание частных изданий.

Процесс формирования провинциальной системы печати был непростым и растянулся на почти шесть десятилетий, но уже в 1893 году только в провинции выходило 280 газет, из них 134 — частных. Среди частных газет было 46 еженедельных изданий и 59, выходивших ежедневно [4, 4].

Сами по себе эти цифры красноречивы, но за ними стоят проблемы, которые приходилось решать: во-первых, нужны были энергичные предприимчивые люди, готовые взвалить на себя нелегкую ношу издания местной газеты, имеющие представление о задачах, стоящих перед изданием; во-вторых, нужно было заинтересовать в этих изданиях лиц, располагающих капиталами, или самим эти капиталы иметь; в-третьих, нужна была материально-техническая база доставки, обработки и тиражирования поступающей информации (телеграфные и информационные агентства, типографии, конторы по распространению продукции и др.); в-четвертых, нужны были квалифицированные кадры полиграфистов, журналистов и распространителей печати; в-пятых, нужна была аудитория, которая бы потребовала данную газету.

Все эти проблемы были не из неразрешаемых, но требовали усилий.

И наконец, новым редакторам следовало четко знать, чего они хотят от своих изданий, и представлять пути решения поставленных перед собою задач.

В этом смысл письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину.

“Провинциальный редактор, — пишет Ядринцев, — желал бы сделать свою газету, подобно столичным газетам, доставляющей мировые известия, словом, начинает бить на конкуренцию, он желал бы давать и свежие новости, и те-

леграммы <...>. К этому присоединяются частные провинциальные задачи: дать свежие провинциальные новости с направлением и рядом — новости города, уезда, интересующие публику, т. е. разные сплетни, известия о предстоящих удовольствиях и т. п. В его целях делать пикантные обличения и в то же время быть воспитателем, быть занимательным и серьезным, и строго относиться к публике, и льстить ее инстинктам, давал ей угодный материал (театр и т. п.). Желательно еще и полиберальничать — и дрожит он за безопасность газеты, хочет придерживаться “направления” — и вести дело на коммерческих основаниях. Набрал целую охапку задач, он постоянно рассеивается и не может удовлетворить ни одной вполне, особенно на двухвершковой газетке” [3, 342].

Далее Н. М. Ядринцев четко формирует задачи редакции так, как он их видит: “Выясненная цель издания — самая главная вещь: что хочет провинциальная печать, она прежде всего должна себя спросить <...> Вкусам публики льстить всего меньше, имея в виду направление. Доктрину “и невинность соблюсти, и капитал приобрести” — забыть. Газета эта должна: первое — быть для указания направления провинциальной интеллигенции, и второе — быть посредницей между обществом и высшей литературой. Сознавши эти цели, она должна отрешиться от рутины копировать столичные издания и газеты буквально <...> Надо изучать местные общины как ячейку государства и глубоко впитать убеждение, что без развития местной жизни и самодеятельности и без уразумения отношений частного к общему невозможно правильное развитие общества <...>.”

Второй задачей, кроме ознакомления с областным вопросом, предстоит провинциальной литературе быть посредницей между литературой высшей и местной <...> в проведении элементарных знаний в массу <...>. Для провинциального общества, для воспитания масс все надо начинать с азбуки <...> Не “народные журналы”, издающиеся в Петербурге, воспитывают массу, а провинциальная литература <...> Для пробуждения и оживления жизни всего народа, гения нации, ее ума и духовных сил нужна местная деятельность. В государстве, как в человеке, чем более будет дифференцироваться отправление по местностям, тем разнообразнее будут развиваться способности <...> Провинция — будущее!” [3, 345-349]

Восклицательный знак, поставленный Ядринцевым в завершение своих размышлений о задачах провинциальной прессы, возможно, и сегодня щекочет самолюбие современных “областников”. Тем более, что оно подкрепляется ре-

альностью сегодняшнего дня — нынешняя Россия существует в двух пространственных измерениях: в пределах Садового кольца и за его пределами. Настроения элиты и чаяния широкой массы не совпадают, и огромный, но, к сожалению, не вполне востребованный публицистический ресурс практически не используется при решении принципиальных задач, стоящих перед провинциальной прессой. Замечу попутно, что сегодняшние сепаратистские тенденции имеют мало общего с былым “областничеством”. Но тем не менее опыт, накопленный русской провинциальной прессой, может быть использован.

О чем идет речь?

Дальнейшая капитализация страны и ее интеллектуальное развитие в условиях формирования постиндустриального (или — информационного) общества может привести к возникновению (наряду с государственными средствами информации) двух мощных ветвей СМИ — корпоративной прессы, финансируемой промышленными группами (частично этот процесс можно наблюдать и сейчас), и так называемой университетской прессы, существующей при поддержке интеллектуальной (научной и творческой) элиты общества. В этой связи представляется возможным прогнозировать возникновение региональной прессы в крупнейших промышленных и университетских центрах российской провинции — Екатеринбурге, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Самаре, Воронеже, Красноярске.

Н. М. Ядринцев, заключая свое письмо Н. Г. Потанину, грустно заметил: “Конечно, расцвета провинциальной журналистики мы ... не увидим <...>. Провинция со временем на своем памятнике на барельефе изобразит и провинциального редактора на чердаке, живущего уроками, и сотрудника, закладывающего платые, чтобы послать статью. Пусть помнит каждый провинциальный писатель, что его настоящий долг — трудиться для провинции и быть голодным. Это будет его заслуга в истории” [3, 350].

К счастью, этот прогноз нельзя считать абсолютно точным, но говорить о бедственном состоянии провинциальной прессы можно. Эта бедственность в ее экономической и политической незащищенности и в отсутствии кадров, способных решать самые высокие творческие задачи.

Но — опыт есть.

* * *

Что собой представляет этот опыт?

Соображение первое.

Русская провинциальная газета прошла путь

от небольших информационных листков к роли достаточно влиятельных организаторов общественного мнения.

Своим возникновением частная газета и в столицах, и в провинции не в последнюю очередь обязана бурно развивающемуся процессу оживления экономической жизни — нарождающейся после реформ 60-х годов отечественной экономике нужны были и рынки сбыта, и реклама, и привлечение капиталов со стороны. Вполне закономерно, что появлению частной газеты в провинции предшествовали (или сопутствовали) разного рода коммерческие “Листки”. Так было в Воронеже, Иркутске, Ростове-на-Дону, Ставрополе, Тюмени, Таганроге, Самаре. Зачастую “листки” и собственно газета принадлежали одному и тому же хозяину. И уж безусловно, как правило, — коммерчески поддерживали себя за счет публикации рекламных объявлений.

Власть во все времена хорошо понимала коммерческую составляющую деятельность любой газеты. Поэтому одной из карательных мер (наряду с предупреждениями, выговорами редакторам и пр.) было либо запрещение продажи номеров газеты в розницу, либо запрещение публикации рекламы. И та, и другая мера автоматически вела к финансовому краху.

Газете “Русские ведомости”, например, тринадцать раз запрещали розничную продажу. Сроки запретов были различными — от шести месяцев до полутора лет.

Сегодня, когда много говорят о коммерциализации прессы, следует, видимо, признать, что без финансовой поддержки, без рекламы газета существовать не может. Частная газета независима лишь в той степени, в какой это позволяют ей издатели. Сегодняшние проблемы российской прессы связаны не с ее коммерциализацией, не с тем, что новость становится товаром, а с тем, что товаром становится точка зрения. Возникает так называемая “рыночная публицистика”, носящая откровенно заказной характер, которая не просто отменяет функциональные задачи прессы формировать, формулировать и выражать общественное мнение, но и пытается навязать обществу свою позицию.

Между тем еще в XIX веке подчеркивая, что важнейшая задача прессы быть “акушером общественного мнения”, А. Шевелев, автор статьи “Очерки провинциальной печати”, писал: “она (газета. — Л. К.) не только помогает родиться на божий свет общественному мнению, она еще направляет его дальнейшее развитие по своему усмотрению” [5, 421].

Обратите внимание: А. Шевелев считает, что печать направляет развитие общественного мнения “по своему усмотрению”. Иными словами,

важнейшая функция — функция управленческая. Свою позицию А. Шевелев объясняет просто: “периодическая печать бессильна распространять и изменять убеждения, ибо убеждение есть стройная система логически связанных между собой мыслей и, следовательно, необходимо предполагает значительную степень умственной развитости и значительный умственный труд, но так как масса публики... самостоятельных убеждений не имеет, да и иметь не может, печать, особенно ежедневная, составляет поистине огромную силу” [5, 420].

За тридцать пять лет до А. Шевелева о возможностях провинциальной газеты размышляет Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский, организатор первого в России кружка социалистов-утопистов, сосланный в Сибирь и ставший одним из активных сотрудников газеты “Амур”. Воздавая должное административной деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского, Петрашевский пишет о том, что власть, среди “прочих целей”, демонстрировала “стремление оказать содействие в возрождении гражданственности в здешнем крае”. И уточняет: “Под словом гражданственность мы будем разуметь... такое состояние развития общества, при котором члены этого общества обладают не только сознанием их прав и обязанностей, определенных положительным законодательством, но и действительно пользуются ими” [2, 57].

М. В. Буташевич-Петрашевский четко формулирует характер взаимоотношений власти и общества: не должны ущемляться права отдельной личности в условиях, как замечает Петрашевский, “административной симметрии”; администрации не следует “переносить круг своей деятельности за пределы, ей назначенные законами”; [2, 55] администрация не должна “вмешиваться в свободу частной деятельности”; [2, 55] выдавать свои интересы за нужды всего народа, но должна руководствоваться не личными симпатиями при решении насущных задач, а только мерами, “которые были вполне не согласны с общими требованиями справедливости и существующей законности” [2, 55].

В сущности, М. В. Буташевич-Петрашевский изложил в первом номере частной газеты “Амур” программу взаимоотношений власти и прессы. И — более конкретно — задачи, стоящие перед газетой, в ее взаимоотношениях с аудиторией.

Слово “гражданственность” промелькнет и в программе “Донского вестника”, который начнет выходить в июле 1866 года в Таганроге. Редактор “Вестника” Алексей Алексеевич Карасев так определит задачи, стоящие перед га-

зетой: “Развивать гражданственность и оживить богатые производительные силы донского края” [6, 32-430].

Любопытно, что объявляя подписку на “Донской вестник”, редакция позволила себе определенное вольнодумство, пообещав в газете “обсуждение мер (подч. мною. — Л. К.), применения некоторых распоряжений правительства, изданных для других местностей империи, к Донскому войску”, а также “рассмотрение некоторых крупных фактов иностранной политики, заимствуемых из русских официальных газет”¹.

Умеренное противостояние всегда было свойственно провинции. Столица не могла его не учитывать. Необходимо было учитывать права провинции на определенную самостоятельность и способность автономно действовать на благо региона. Провинция постоянно напоминала столице об опасности нивелирования.

И — о возможностях, которыми провинция располагает.

Областные тенденции были сильны и в частной провинциальной прессе. Официальные “Губернские ведомости” даже в неофициальном отделе в большей степени были законодательно регламентированы, чем издания частные (хотя к выпуску и тех, и других зачастую привлекались одни и те же люди). П. С. Луссури, издатель “Азовского вестника”, так формулировал задачи своей газеты: “Знакомить литературу, правительство, общество и капиталистов с теми вопросами, разъяснение которых для Таганрога составляет насущную необходимость” [7, 43-115].

Н. М. Ядринцев подчеркивал: “Народная провинциальная литература (читай — и газета. — Л. К.) должна касаться интересов главной массы народа, а не верхушек, не служить лакеем верхних губернских слов, не посвящать себя из барским интересам, их прихотям <...>. В массе крестьянских, мещанских, купеческих интересов провинциальная литература найдет огромный материал” [3, 346].

Соображение это актуально и сегодня.

Соображение второе.

Традиционно считается, что своим возникновением и развитием отечественная пресса обязана прежде всего действиями правительства. Об этом свидетельствует, в частности, и история петровских “Ведомостей” и все последующие указы и постановления властей, регламентирующие деятельность прессы в стране. Но в то же время следует помнить, что русская провинциальная

¹ Цит. по кн.: Станько А. И. Пресса южного региона России / А. И. Станько. — Краснодар, 1998. — С. 26-115.

частная газета есть не только результат системных преобразований, осуществляемых сверху, но и результат деятельности отдельных людей. Понятно, что возникновение частной газеты как в столицах, так и в провинции было невозможно без знаменитых реформ 60-х годов, без тех преобразований, о которых говорилось выше. Но инициатива отдельных людей играла существенную роль.

Здесь хочется обратить внимание на то, что инициаторами создания частных газет выступали не только представители интеллигенции, но и высшие чиновники. Эпизод с газетой “Амур” весьма характерен.

Появлению “Амура” на сибирской информационной арене предшествовало возникновение “Иркутских губернских ведомостей” как официального органа местной власти. Как пишет исследователь сибирской прессы П. М. Головачев, “господствовавшим злом в Сибири был тогда полный произвол лиц, имевших какое-либо административное значение”². Этот произвол, предполагалось, можно было парализовать вмешательством высшей администрации края. Но одного этого было мало — была необходима гласность.

Нечто подобное происходило и в других городах Сибири. В частности, в Чите военный губернатор области И. П. Надаров, человек, причастный к литературе, приглашая на должность редактора официальных “Забайкальских областных ведомостей” Н. Д. Карамышева, порекомендовал тому не только расширить неофициальную часть газеты (к этому времени в Чите уже возникла первая частная газета “Забайкалье”), но и предложил новоиспеченному редактору в случае цензурных затруднений обращаться лично к нему, Н. П. Надарову.

Кстати сказать, расширение неофициальной части и перевод на ежедневный выход увеличили число подписчиков до 1500.

Нечто подобное происходило и в Иркутске. Власть нуждалась в поддержке местной общественности.

Генерал-губернатор Николай Николаевич Муравьев-Амурский, понимая это, поддержал не только “Губернские ведомости”, но и выход “Амура”. Любопытно, что в “Ведомостях” и “Амуре” сотрудничали одни и те же люди — М. В. Петрашевский, М. В. Загоскин, Н. А. Спешнев. Более того, с образованием “Амура” в него перешел

сотрудник “Губернских ведомостей”, неофициальная часть которых после этого заметно ухудшилась. Любопытно, что в числе первых цензоров “Амура” были генерал-губернатор края — граф Н. Н. Муравьев-Амурский и губернатор М. С. Корсаков. Несмотря на, казалось бы, полное взаимопонимание власти и редакции газеты, последней не разрешалось помещать материалы, неблагоприятно отзывающиеся о деятельности администрации. Сотрудников это не устраивало: часть из них покинула “Амур”. Чтобы сохранить газету, генерал-губернатор выделил частной газете ежегодную субсидию в 800 рублей. “Амур” это не спасло: газета прекратила свое существование в 1862 году.

Колоритная фигура сибирской прессы — один из первых журналистов края Михаил Васильевич Загоскин, гласный городской думы, возглавлявший Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества, редактировавший “Известия”, выпускаемые эти обществом. М. В. Загоскин десять лет редактировал газету “Сибирь” в Иркутске.

Редактором первого частного “Ростовского-Дону вестника: листка торгового и коммерческого” был отставной чиновник Михаил Петрович Смолеев. Воронежскую газету “Дон” долгие годы редактировал Григорий Михайлович Веселовский, учитель истории, вышедший в отставку и занявшийся редактированием газет. Прежде чем стать редактором “Дона”, он редактировал воронежские “Губернские ведомости”. Фактическим редактором “Воронежского телеграфа” одно время был Николай Федорович Бунаков, известный педагог.

Газету “Кубань”, выходящую в Екатеринославе, возглавлял Михаил Фролович Филиппов, выпускник Московского университета, имевший опыт работы в должности земского начальника в Александровском уезде Ставропольской губернии.

То, что во главе первых частных провинциальных газет чаще всего вставали чиновники, вполне закономерно: эти люди в силу своих должностных обязанностей хорошо знали нужды своего региона, обладали определенным административным опытом и необходимыми связями. Но значительную роль в формировании облика и направления первых частных газет играла интеллигенция. В Сибири роль инициаторов создания местной прессы в основном играли ссыльные — петрашевцы (Н. А. Спешнев, М. В. Петрашевский, Ф. Н. Лобов), декабристы (М. А. Бестужев, В. Ф. Раевский), ученые, учителя (П. М. Головачев, Г. Н. Потанин, К. М. Голодников, Е. Ф. Кудрявцев).

Этот список можно продолжить.

² Головачев П. М. Прошлое и настоящее Сибирской печати. Цит. по кн.: Л. С. Любимов. История сибирской печати XVII начала XX вв. Хрестоматия / П. М. Головачев. — Иркутск, 2004. — С. 57.

Провинциальная частная газета держалась на трех китах: финансовой поддержке местных предпринимателей, интересах “областников” (сторонников развития регионов) и энтузиазме местной интеллигенции, стремящейся к пробуждению “сонных городов”.

Показательно, что в целом ряде случаев местная пресса возникала почти сразу после того, как поселение обрело официальный городской статус. Новониколаевск, провозглашенный городом в декабре 1903 года и насчитывающий к этому времени около 30 тысяч человек, обрел газету “Народная летопись” 26 марта 1906 года. Издавал и редактировал “Народную летопись” Николай Павлович Литвинов, владелец типографии. Выходила “Летопись” в 1906 году, а потом в 1909–1910 годах). Выпуск газеты был закономерен – местное самоуправление укрепляло свои позиции. Хотя взаимоотношения между редакцией и властью складывались далеко не безоблачно. Был даже эпизод, когда на заседании городской думы был устроен своеобразный суд над местной газетой.

Соображение третье.

20 сентября 1881 года “Московская неделя”, выдавая желаемое за действительное, писала: “Газета все более и более становится потребностью русского общества. И печать, и читатели пореформенной России имеют немало общего с печатью и читателями до отмены крепостного права. Газета приобрела у нас немаловажное значение и проникает теперь в глухие и отдаленные закоулки” [8].

Спору нет – в начале восьмидесятых пресса (в том числе и местная) выходит из спячки. Потребность в оперативной информации растет и среди деловых людей, и среди обывателей. Появляются многочисленные “листки”, “понеделничные издания”. Но, как заметил Л. Н. Павленков, “многие провинциальные газеты делаются непрофессионально – в них господствует “литература полицейских участков” – повествование об уличных скандалах” [9, 712]. Говорить о том, что газета становится фактом повседневного быта даже среди жителей городов, преждевременно.

Прав Л. Н. Павленков: “Русский человек еще не привык к газете, он не ощущает в ней необходимой для себя надобности и потому совершенно легко обходится без нее; русский человек не политик и если подчас охотно трактует о разных общественных и политических делах, то это еще не значит, чтобы он с такой же охотой стал читать о них, потому-то и надо суметь привлечь его к чтению, заинтересовать им” [9, 712].

По сведениям, приведенным Л. Н. Павленковым, в 1895 году в провинции появилась 31 новая частная газета.

Но это не означало коренных перемен в расширении читательской аудитории. В “Этюдах о русской читающей публике”, опубликованных в 1896 году, приводятся грустные цифры.

В 1895 году в России на один миллион жителей приходилось всего девять периодических изданий, а в Швейцарии – 230, в Бельгии – 153, в Германии – 129. общее число журналов и газет в России было в 7 раз меньше, чем в Германии, в пять раз меньше, чем во Франции, в 4 раза меньше, чем в Англии.

В Воронежской губернии в 1894 году было выписано 4934 экземпляра ежедневных газет 72 наименований. Преобладали в этом списке столичные издания – “Свет” (Москва) – 1185 экземпляра; “Новое время” – 263 экземпляра; “Биржевые ведомости” – 201 экземпляр; “Новости” – 169 экземпляров.

Любопытные факты приводит Л. Личков в своей статье “Как и что читает народ в Восточной Сибири” (“Русская мысль”, 1896, № 2). По данным статистических исследований, проведенных в Иркутской и Енисейской губерниях в 1888–1892 годах, “наибольшим развитием грамотности отличается элемент поселенческий, второе место занимают крестьяне новеллы (из тех же ссыльнопоселенцев и из переселенцев) и последнее – крестьяне старожилов” [2, 7] (обследовались сельские поселения и школы). При этом крестьяне предпочитали читать и выписывать местные издания: на “Сибирский вестник” и “Восточное обозрение” приходится около 18 процентов общего числа выписываемых экземпляров.

При этом, как отмечает Л. Личков, многих читателей интересуют “статьи и очерки по местным вопросам” [2, 9].

“Читателя приходилось создавать осторожно, шаг за шагом, – вспоминает редактор читинской газеты “Азиатская Русь” Николай Дмитриевич Карамышев, – затрагивая наиболее болезненные стороны нашего местного и общерусского бытия” [2, 95].

Самим фактом появления на свет газета способствовала формированию аудитории.

И в этом заключалась одна из самых значительных заслуг частной провинциальной прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917–2000). Учебный комплекс / И. В. Кузнецов. – М., 2002. – 639 с.

2. Буташевич-Петрашевский М. В. Местное обозрение / М. В. Буташевич-Петрашевский. – Амур. – 1860. -№ 1. – 1 января. Цит. по кн.:

Л. С. Любимов. История сибирской печати XVII начала XX вв. Хрестоматия / Л. С. Любимов. – Иркутск, 2004. – 122 с.

3. Ядринцев Н. М. Письмо Г. Н. Потанину / Н. М. Ядринцев // Российская провинциальная частная газета. – Тюмень, 2004. – 432 с.

4. Список периодических изданий, выходящих в России, изданный Московским библиографическим кружком. – М., 1895. – 25 с.

5. Шевелев А. Очерки провинциальной печати / А. Шевелев // Русское обозрение. – 1895. – № 1. – 704 с.

6. Ахмадулин Е. В. Зарождение частной прессы на Дону / Е. В. Ахмадулин, А. И. Станько // Российская провинциальная частная газета. – Тюмень, 2004. – 432 с.

7. Цит по кн.: Станько А. И. Пресса южного региона России / А. И. Станько. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1998. – 115 с.

8. Московская неделя. – 1881. – 10 сентября.

9. Павленков Л. Н. Периодическая печать и книжное дело в России в 1895 году / Л. Н. Павленков // Исторический вестник. – 1896. – № 11-12. – 1112 с.

Рецензент – А. И. Акопов.